

Две женщины, воспользовавшись опьянением, начали флиртовать друг с другом. Было непонятно, делали ли они это ради шутки или просто чтобы избежать неловкости, используя ролевые игры как способ выйти из ситуации.

— Правда? Мне так нравятся твои губы, они просто завораживают! — Сяхоу тихо сглотнула и, обдавая ароматным дыханием чувственные губы собеседницы, выпустила струйку тёплого воздуха.

— М-м, губы сестры тоже очень соблазнительны... — Линь Цинсянь говорила правду. Каждый раз, когда она видела алые губы Сяхоу, её сердце начинало биться чаще. Теперь же она почувствовала, как его стук напоминал работу вентилятора.

— Похоже, мы с тобой равны... — Сяхоу снова приблизилась к Линь Цинсянь, и их ароматные тела снова начали тереться друг о друга, создавая атмосферу намеков и недосказанности.

— У сестры такая фигура...

— У сестрёнки такая фигура...

Их голоса снова слились в унисон, дыхание участилось, а ловкие руки невольно опустились на бёдра друг друга.

— Хи... У меня 36D, 25, 37. У тебя, наверное, 36D, 24, 36 — золотое сечение, да? Я ведь всё вижу... — В глазах Линь Цинсянь мелькнула лёгкая дразнящая искра. Ей нужно было, чтобы Сяхоу потеряла голову... В её сердце таилась маленькая, невысказанная мысль.

— Не веришь? Хочешь, расскажу, как раньше снималась? У меня очень точный взгляд. — На прекрасном лице Сяхоу разлился румянец. Обаяние Линь Цинсянь притягивало её, и казалось, она действительно начинала терять контроль...

— М-м, сестра... Это вино такое крепкое... — Линь Цинсянь почувствовала лёгкую эйфорию. Однако она знала, что спешка ни к чему хорошему не приведёт. Несколько бокалов красного вина, возможно, из-за его выдержки, дали о себе знать. Лежа на кровати, она чувствовала, как тело разогревается и становится мягким. Ей не хотелось двигаться, и это странное ощущение сопровождалось едва уловимым пробуждением желания.

— Это не вино крепкое, а сердце разогрелось, правда? Чувствуешь жар? — В глазах Сяхоу появился намёк на игривость, а их ноги начали тереться друг о друга ещё теснее.

— Немного... — Аромат дыхания Сяхоу был настолько возбуждающим, что Линь Цинсянь почувствовала, как внутри неё разгорается огонь, становясь всё сильнее.

— Если чувствуешь это, значит, всё правильно. У меня всегда так, когда я пью это вино... — Сяхоу, с томным взглядом и ароматным дыханием, приблизилась к уху Линь Цинсянь и

прошептала:

— ...И это вино делает женщин более чувственными...

Лёгкий зуд, покалывание и невыразимое удовольствие — Линь Цинсянь почувствовала странное ощущение в ухе, которое ещё сильнее разожгло внутренний огонь. Её дыхание участилось, и в то же время она почувствовала тревогу. Возбуждающее? Почему так?

Ответ быстро последовал из уст Сяхоу:

— Красное вино само по себе не возбуждает, но в нём есть кое-что... Смешанное с вином, оно даёт особые ощущения... Тебе хорошо? — В глазах Сяхоу появился намёк на игривость, а её нежные руки коснулись упругой попки Линь Цинсянь, вызывая прилив тепла в теле.

Неужели она что-то подмешала в вино? Ох, как же я могла быть такой глупой! Она же... Линь Цинсянь чувствовала себя совершенно обессиленной, а тонкие и изящные пальцы Сяхоу уже добрались до её нежной шеи, ловко играя с её чувствами. Ей было трудно сопротивляться этому, это было так приятно... Только бы она не использовала пальцы! — молилась она про себя.

— Так жарко... Давай расслабимся... — Сяхоу приблизилась к нежному уху Линь Цинсянь, тяжело дыша:

— ...Не переживай, в моём бокале тоже было это возбуждающее... Порошок весеннего единения. Мы будем ещё счастливее... Изначально я использовала его, чтобы облегчить боль, но сегодня он пригодился. — Её руки начали двигаться, плавно и грациозно. Её роскошное вечернее платье сползло в сторону, обнажив соблазнительное тело перед глазами Линь Цинсянь.

Двусмысленные слова и соблазнительное тело женщины — всё это наполняло атмосферу искушением. Линь Цинсянь чувствовала, как её дыхание учащается, настолько это было притягательно. Белое кружевное бельё подчёркивало нежность её кожи, делая её ещё более манящей.

Линь Цинсянь беспомощно лежала на широкой и мягкой кровати. Её глаза были закрыты, а из уголков глаз стекали слёзы. Её соблазнительное тело, с изгибами в нужных местах, было покрыто горячим и манящим телом Сяхоу, которая ловким языком исследовала каждый дюйм её здоровой кожи. Она не собиралась пропускать ни одного места, и каждый раз, когда её язык касался тела Линь Цинсянь, та невольно вздрагивала от нахлынувшего удовольствия.

Это было странное и печальное чувство. Перекрёстное испытание льдом и огнём, физическое удовольствие постепенно поглощало её горе. Её воля не могла противостоять сильному воздействию Порошка весеннего единения. У неё не было сил сопротивляться, и она не могла противостоять волнам удовольствия. Она смирилась с тем, что Сяхоу нарушает её границы, и

внутренний жар разъедал её тело. Она могла только издавать соблазнительные стоны, погружаясь в бездну страсти...

Звуки удовольствия исходили из уст двух красавиц, а кровать дрожала, передавая их внутренние чувства. В воздухе витал соблазнительный аромат, а звуки и вид будоражили их сердца. Линь Цинсянь уже полностью принадлежала Сяхоу, но это было взаимно.

Две красавицы катались по кровати, их ноги в чулках свисали с края, но принадлежали разным женщинам. Более полные и мягкие чёрные чулки принадлежали Сяхоу, а более стройные и здоровые белые чулки — Линь Цинсянь. Контраст между чулками и бельём разжигал желание, а их ступни, обёрнутые в чулки с открытыми пальцами, нежно переплетались...

Ноги в чулках исчезли, и кровать снова затряслась. Стоны Линь Цинсянь становились громче и чаще, как будто какая-то часть её тела подвергалась сильной стимуляции. Тела на кровати сплетались, и даже не видя этого, можно было представить, насколько соблазнительной была эта сцена...

Происходящее на кровати было слишком вульгарным. Вид с края кровати мог лишить разума любого, кто бы на это посмотрел. Неудивительно, что стоны Линь Цинсянь были такими громкими. Её чёрные трусики висели на кончике чулка одной ноги, а её ноги были широко раздвинуты, бёдра слегка приподняты, создавая позу, которая могла свести с ума...

Действия Сяхоу тоже были возбуждающими. Её голова была погружена между ног Линь Цинсянь, а руки крепко держали её бёдра. Игра языка заставляла Линь Цинсянь стонать, а её тело извивалось и дрожало. Полные и округлые ягодички Сяхоу были высоко подняты, а тонкие белые трусики ясно подчёркивали её женские прелести.

Влажные следы на чёрных и белых трусиках и чулках источали соблазнительный аромат. Всё было слишком близко и слишком ясно...

Игра языка Сяхоу заставляла мягкое тело Линь Цинсянь извиваться. Она не могла сомкнуть ноги, и если бы не язык Сяхоу, она бы чувствовала невыносимый зуд. Она забыла о стыде, и теперь её единственной целью было достичь самого сильного и открытого удовольствия.

Её тело и разум полностью освободились, и её ноги в белых чулках были широко раздвинуты, а её женские прелести страстно отвечали на действия языка Сяхоу. Её ноги поднялись, обвивая плечи Сяхоу, а бёдра двигались из стороны в сторону. Она превратилась в настоящую развратницу, и сила Порошка весеннего единения полностью разрушила эту чистую и невинную красавицу...

Особенность Порошка весеннего единения заключалась в том, что он позволял сохранять ясность ума, но при этом разрушал как моральные, так и физические барьеры. Мысли делали физическое удовольствие ещё более сильным и ярким. Кроме того, он предотвращал преждевременное завершение. Линь Цинсянь, находясь в состоянии страсти, больше не контролировала свои мысли. Её тело не могло остановиться, как будто розовый язык,

играющий между её ног, был источником счастья.

— Цинсянь. — Сяхоу остановилась. Она больше не говорила, но её пальцы продолжали скользить вокруг интимного места Линь Цинсянь, и смысл был очевиден.

Линь Цинсянь была словно сочетание копья и щита. Она чувствовала внутренний конфликт: желание подталкивало её искать больше удовольствия, и каждый раз, когда пальцы Сяхоу скользили, её сопротивление слабело. В тот момент, когда она колебалась, остатки разума почти исчезли.

<http://bllate.org/book/15427/1365228>